

Человек развернул документ, внимательно прочитал его и с удивлением воскликнул:
«Послание из Верхней столицы!»

Ху Хэлэй на своём языке спросил, что это значит. Переводчик объяснил: с такой бумагой торговый караван считается людьми из официальной резиденции Верхней столицы, все его товары предназначены исключительно для принцев и князей. Чиновники в городах на пути следования не имеют права обдирать таких купцов как липку. Пошлины будут меньше, а значит, можно будет предложить выгодные условия и торговцам из Яньбяня.

Одного этого документа было достаточно, чтобы многие захотели иметь дело с Цинь Цзюнь. Та улынулась, достала ещё один лист — на нём был нарисован цветок снежного лотоса — и протянула Ху Хэлэю.

«Что это значит?»

«В Яньбянь мы больше не вернёмся, но торговлю продолжать можно. Впредь все расчёты и поставки — только с вашим домом. Условие одно: вы должны раздобыть для господина этот снежный лотос».

Цинь Цзюнь вытащила пачку визитных карточек и, покачивая ими, дала понять: желающих заполучить её товары и без того хватает.

Ху Хэлэй говорил, но не читал по-ханьски. Он тут же отвёл переводчика в сторону, и они вдвоём принялись тщательно изучать документ.

Переводчик спросил: «Почему вы выбрали именно ху?»

Цинь Цзюнь развела руками.

— Наугад вытянули из стопки приглашений, — холодно произнесла Цзиньсю.

Хужэнь промолчал.

— Подайте кисть и чернила, — распорядилась Цзиньсю.

Слуги принесли письменные принадлежности. Взяв кисть, Цинь Цзюнь вместо разговоров принялась детально обсуждать с Ху Хэлэем условия будущих сделок.

Между Цзянчжоу и Яньбянем шёл товарооборот. Поскольку документ был утверждён императорским указом, а также для предотвращения чрезмерного вмешательства могущественных кланов в торговлю, что вредило бы простолюдинам, такие бумаги выдавались на год и могли быть использованы дважды.

Цинь Цзюнь вывела иероглифы: *Сначала договоримся на год*.

Ху Хэлэй кивнул. Весь день ушёл у них на то, чтобы согласовать стоимость товаров, порядок обмена и расчётов, определить, какие именно изделия из Цинь-Чжоу станут основными товарами.

Так Цинь Цзюнь стала поставщицей Ху Хэлэя в глубинных землях Цинь-Чжоу. Договорились об испытательном сроке в год. Если дело окажется прибыльным, можно будет обсудить дальнейшее сотрудничество. Кроме того, как условие выбора именно Ху Хэлэя, тот должен был отправить группу ху в глубь своих земель на поиски небесного снежного лотоса для Цинь

Цзюнь.

В полдень Цинь Цзюнь специально пригласила чиновников от Цинь-Чжоу и от ху, находившихся в Яньбяне, чтобы те выступили свидетелями и предотвратили возможное вероломство любой из сторон в будущем.

Когда договор был скреплён, а день уже клонился к вечеру, Цинь Цзюнь покинула жилище Ху Хэлэя. У ворот её встречали высокие ху, а Тёмные стражи, продежурившие там весь день, как только она села в повозку, немедленно тронулись в путь.

Цзиньсю осмотрела лекарственную повязку на лице госпожи.

— Дело сделано, нужно как можно скорее уезжать. Неизвестно, получили ли в Цзянчжоу и Верхней столице известия о принцессе.

Лекарство продержалось на лице слишком долго, и кожа начала зудеть, но чесаться Цинь Цзюнь не решалась.

— Ничего. Как только покинем Яньбянь, отправим письмо. Отец и дед не будут волноваться.

Цзиньсю лишь вздохнула — с Цинь Цзюнь ничего не поделаешь.

У постоянного двора Цзи Сы уже погрузила все вещи в повозки. Дядюшка Ван держал лошадей, а Сун Вэньчжоу выглядел озабоченным. Все ждали возвращения Цинь Цзюнь, чтобы немедленно выехать из Яньбяня.

За спиной Цзи Сы стояли два десятка человек — юноши и девушки разных народов. Хотя их вымыли и переодели в чистое, в их глазах по-прежнему читалась лишь пустота.

Цинь Цзюнь перебралась в свою трёхместную карету.

— Пусть едут на ящиках с товарами. Разберёмся, когда выедем за город.

— Слушаюсь, — отозвался Дядюшка Ван.

— Вперёд!

Все покинули пограничный рынок Яньбяня. За городской стеной торговцы и разносчики из разных стран всё ещё кричали им вслед:

— Конники! Конники! Возвращайтесь в следующем году!

Дядюшка Ван снял шляпу и небрежно помахал ею, оглянулся на людей, сидевших на краях грузовых повозок, затем дёрнул поводья и поскакал догонять карету Цинь Цзюнь.

В карете та едва сдерживала нетерпение.

— Чешется...

Цзи Сы схватила её за запястья, удерживая в своих объятиях, и тихо прошептала:

— Не двигайся, принцесса.

Цзиньсю нахмурилась и стала быстро очищать лицо Цинь Цзюнь от лекарства.

— Эти снадобья нельзя носить долго. Может, попросить лекаря Суна приготовить что-нибудь получше?

Цинь Цзюнь фыркнула.

— Этот лекарь уже готовил и крысиный яд, и снотворное. Теперь ещё и маски для лица?

— Маски для лица? — переспросила Цзиньсю.

И Цинь Цзюнь пустилась в пространные объяснения:

— Маска для лица — это...

Ночь сгушалась. Лошади мчались, вздымая облака пыли, пока караван не превратился в несколько чёрных точек на горизонте.

Спустя два часа стражников у городских ворот Яньбяня снова разбудили. Перед стеной появился конный отряд без повозок.

Солдат, державший алебарду, потер глаза.

— Торговцы? Сколько вас? Есть проездные документы?

Вожак в маске протянул рисунок и тихо спросил:

— Видели этого человека?

Стражник придвинулся ближе. На рисунке была изображена девушка, ещё не растерявшая детской мягкости черт, с сияющими глазами и едва заметными ямочками на щеках при улыбке. Он застыл, поражённый.

— Не видел. Откуда в Яньбяне такая красавица? Здесь только служанки да рабыни, — лениво проговорил он, зевнув.

Человек в маске прищурился.

— За городом нашли убитых ху. Кто это сделал?

— Что?! — воскликнул стражник.

— Если меняют облик, лицо изменить можно, а глаза — нет. Вглядишься в её глаза.

Стражник при лунном свете, отражавшемся от снежной равнины, уставился на глаза на рисунке. В голове мелькнула догадка, но тут же погасла.

— Не припоминаю. Может, и заходила в город.

Человек в маске забрал рисунок, вскочил в седло и громко скомандовал:

— Мы — конные торговцы из государства Цзян! Открывайте ворота!

Караван шёл всю ночь, двигаясь вдоль границы на запад. С вечера прошлого дня до вечера нынешнего они преодолели сотню ли. Вокруг уже виднелись проталины, слышалось пение птиц, чувствовалось дыхание приближающейся весны.

Товары из Цинь, которые везла с собой Цинь Цзюнь, теперь сменились разнообразными мехами и яшмой, заполнившими несколько повозок. А в ящике, что находился ближе всего к её карете, лежало пол-воза серебра и немного золота — всё, выменянное у Ху Хэлэя.

Цзиньсю недоумённо спросила:

— Госпожа, зачем нам делать такой крюк через Яньбянь? Почему бы не выехать из города и не отправиться напрямиком в Цзянчжоу?

Цинь Цзюнь, перебирая в руках маленькую шкатулку с мелкой монетой и раскладывая её по кошелёчкам, ответила:

— Двигаться вдоль границы удобнее. Найдём место с водой и остановимся на отдых.

— Слушаюсь.

Лошадей распрягли, дали им передохнуть. Тёмные стражи устроили у реки, где таял снег, котёл и принялись варить мясо.

Цинь Цзюнь уже сняла маскировку, но из-за долгого ношения повязки на лице высыпала крапивница. Впрочем, она прикрывала лицо тканью, так что не боялась, что эти люди запомнят её черты и разнесут молву.

— Мы всё ещё в Яньбяне. Продолжайте путь на север, через несколько дней пересечёте границу и найдёте свою родину, — обратилась она к людям.

Тёмный страж принёс мясо. Не успел он разложить его по мискам, как рабы набросились на еду, хватая её руками, проглатывая, обжигаясь и кашляя, но при этом продолжая прятать куски за пазуху.

Цзиньсю отступила назад, заслоняя собой Цинь Цзюнь.

— Их слишком долго держали в заточении.

Несколько котлов с приготовленной едой опустели за считанные мгновения.

Цинь Цзюнь сжала губы и продолжила:

— Если вы из народов Западного края, вам придётся идти по этой дороге на запад ещё около месяца, чтобы добраться до своих стран.

— Вас продали в рабство, — сказала она, раздавая каждому документы о неволе и кошелёк с мелкой монетой. — Если считаете, что на родине неспокойно и не хотите возвращаться, можете сами искать себе пропитание.

Только теперь рабы подняли на неё затуманенные взгляды.

Цзи Сы сидела на корточках у воды, сжимая в руке нефритовую подвеску. Вода стекала с её ладони в лужу, порождая рябь.

Цинь Цзюнь стояла перед людьми и говорила:

— Кто хочет домой — возвращайтесь. Кто не хочет — может остаться со мной.

Одна из женщин внезапно выкрикнула:

— Если можно получить свободу, кто захочет быть рабом или служанкой?

Цинь Цзюнь посмотрела на неё. Та была в слезах, её глаза напоминали зелёные озёра, и выглядела она старше остальных.

— Да, вы свободны. Кто хочет уйти — может уйти. Те, кто останется со мной, будут прислуживать, — сказала Цинь Цзюнь.

Она не знала, понимают ли её эти люди, но продолжала говорить. Все молчали, приняли документы и деньги на дорогу, поклонились Цинь Цзюнь в ноги и поднялись.

За время неволи они уже успели понять весь ужас потери свободы. Быть чьим-то рабом, изо дня в день влачить существование хуже смерти... В этом огромном мире лучше найти себе местечко у реки или в горах — там не умрёшь с голоду.

— Я ухожу! — крикнула та, что была постарше. Она вытерла рот, схватила с земли острый камень и с силой провела им по лицу. — А-а-а!

Цинь Цзюнь вздрогнула всем телом.

— Ты...

Женщина, с окровавленным лицом и дрожа всем телом, взяла кошелёк, вытащила оттуда только документ, оставив деньги, ещё раз низко поклонилась Цинь Цзюнь и ушла прочь.

Остальные последовали её примеру — все до одного изувечили себе лица, поклонились и ушли.

<http://bllate.org/book/16274/1465323>